

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

На XVI съезде Коммунистической партии Китая (ноябрь 2002 г.) Генеральный секретарь Цзян Цзэминь заявил, что образование в процессе модернизации страны играет «ведущую роль и имеет всеобщее значение» (Жэньминь жибао. 2002. 8 ноября). Успехи образовательных реформ в Китае последних двух десятилетий очевидны. И речь идёт не о чисто количественных показателях, а о создании эффективного механизма функционирования образовательной модели переходного к рыночной экономике периода. Если это так, то небезынтересно разобраться в этой модели, представляющей интерес и для других стран.

Нина Боревская,
ведущий научный
сотрудник Института
Дальнего Востока
РАН, доктор
исторических наук

Помнить традиции

Особенность китайской философской и социально-политической мысли в том, что функции государственного управления и воспитания народа практически отождествлялись и на протяжении веков постепенно сращивались друг с другом. Ещё за 5–6 веков до н. э. китайские философы призывали правителей сделать для народа две главные вещи — дать разбогатеть и обучить. Воспитание оценивалось выше политики как искусства управления государством. Император считался верховным Учителем.

Образовательная система Китая относится к древнейшим в мире — учебные заведения как часть общественной системы начали оформляться в XI–VIII вв. до н. э. Образование как функция правительства и школа как правительственное учреждение характеризуют китайскую педагогическую теорию с древних времён.

Встроенность китайской системы образования в государственную систему управления определила и жёсткий административный контроль высшей власти над учебными заведениями, в частности, и через механизм оказания им финансовой поддержки, в том числе и выделения земельных участков, приносивших стабильный доход.

Исторически сложившаяся тесная связь китайских образовательных институтов с политическими, а интеллектуальной элиты с правительством привела к тому, что на протяжении веков все китайские реформаторы и революционеры, независимо от окраски их политических пристрастий, оценивали изменение образовательной системы в качестве ключевого момента всех преобразований в обществе.

Другой яркой чертой традиционной китайской системы образования, где доминировала конфуцианская философская мысль, была приоритетность нравственного совершенствования, включавшего выработку этических норм и самосовершенствование. Понятие «чжи» (конкретное знание) стоит у Конфуция ниже понятия «жэнь», связанного с выработкой нравственных императивов. Философы средних веков даже предложили понятие «праведного знания» (Ван Янмин), тем самым нерасторжимо объединив постижение истины с нравственным совершенствованием.

Необходимо отметить сохранявшийся в Китае фактически до последних двух десятилетий архаично-традиционный тип системы образования, во многом объясняющийся её закрытостью от внешнего мира. Несмотря на появление с конца XIX в. созданных иностранцами учебных заведений «западного образца», отправку китайской молодёжи на учёбу за рубеж и знакомство с зарубежной педагогической мыслью, даже сторонники «открытой политики», опасаясь интервенции в китайскую культуру западной системы ценностей, пытались жёстко разграничить преподавание естественно-научных (западных) и социально-политических (национальных) дисциплин. Начиная с реформы 1922 года, во многом подсказанной Китаю адептами педагогики американского прагматизма, на протяжении нескольких десятилетий американская модель была чрезвычайно влиятельной в Китае. Затем с установлением народной республики в 1949 году Китай в течение десятилетия предпринимал попытку внедрить советскую образовательную модель. Но и тут стало очевидно, что в силу тысячелетних традиций и масштабов страны система образования КНР медленно адаптируется к любым переменам, стойко и последовательно отстаивая свой национальный характер.

Почему на смену революции пришла реформа

После провозглашения КНР на протяжении трёх десятилетий в стране преобладала единая централизованная государственная система образования. Школа во многом напоминала советскую десятилетку образца 1950-х гг., образование, в том числе и высшее, стало бесплатным, студенты получали стипендии. Политическое происхождение учащихся играло немаловажную роль — выходцам из рабоче-крестьянских слоёв была дана возможность приобщиться к образованию. Отсталая аграрная страна покрылась сетью вечерних школ и курсов ликвидации неграмотности, призванных справиться с 90% неграмотного населения.

Политика «большого скачка» 1958–1959 гг. и особенно «революции в образовании» 1966–1969 гг. продемонстрировала стремление руководства страны воспроизвести результаты разворачивавшегося в Азии «экономического и образовательного чуда». В соответствии с распространённой в те годы «теорией развития» в аграрных развивающихся странах образованию в Китае придавалось значение магического средства в экономическом росте и национальной интеграции, в ликвидации пропасти между богатством и бедностью, городом и селом, а также в уравнивании социальных шансов личности и её доходов. Если вспомнить традицию, то становится понятным, почему эта теория особенно импонировала руководителям КНР. Однако не связанное с экономическим ростом скачкообразное развитие сети образовательных учреждений (прежде всего, за счёт насаждения неформальных учебно-производственных школ), погоня за равенством образовательных шансов в ущерб эффективности, фактический отход государства от управления образованием и его финансирования (перевод школ на самокупательность путём интенсивного использования производительного труда учащихся, запрет на частное учредительство) — всё это носило волюнтаристский характер.

Реформа, открытость, модернизация

После прихода к власти нового руководства в 1976 г. Китай приступил к модернизации, включающей элементы рынка и социалистическую ориентацию. Своеобразие этого перехода в его «эволюционно-анклавном» характере, означавшем сохранение в течение длительного периода прежних надстроечных институтов, в частности однопартийной системы, которая обеспечивала социально-политическую стабильность общества, хотя и тормозила его демократизацию. Правительство не обнадёживало население мгновенным переходом в рыночный рай, а очертило начальный этап социализма приблизительно в сотню лет.

Политический экстремизм (использование теории «обострения классовых борьбы» в качестве основного воспитательного орудия) и мощные демографические волны усугубили ситуацию. В результате подобной политики к середине 1970-х гг. вся система образования оказалась разбалансированной.

При выборе образовательной стратегии правительство исходило из того, что этот этап характеризуется общей отсталостью аграрной страны, в частности, крайне низким уровнем грамотности и образовательной подготовки населения. В этом плане китайские образовательные реформы стартовали с несравнимо более низких, чем в СССР того периода, позиций.

С 1980-х гг. ключевыми понятиями китайской стратегии в сфере образования стали реформа, открытость, модернизация.

Важной составляющей образовательной системы КНР стал принцип её открытости (как часть новой политики «открытых дверей»), обозначенный в лозунге, который предложил в 1983 г. тогдашний лидер Дэн Сяопин: «Образование должно повернуться к модернизации, к миру, к будущему». Эта формула означала конец изоляции китайской школы от мировой педагогики, открытость системы образования навстречу запросам быстро меняющегося китайского общества, указывала на то, что необходимо прогнозировать участие Китая в конкурентной борьбе в мире. Руководство страны приступило к массовой подготовке кадров за рубежом. Уже в 1980 г. КНР восстановила своё место во Всемирном Банке, и первый же заём был направлен в образование. Советники Всемирного Банка и ЮНЕСКО прибыли в КНР в том же году и сыграли активную роль в разработке основных положений новой стратегии образования.

Ещё один принципиальный момент, направленный к тому, чтобы ускоренно подготовить конкурентоспособные кадры высшей квалификации, — это политика приоритетов. Означавшая концентрацию людских и материальных ресурсов в наиболее перспективных регионах и на прорывных участках подготовки человеческих ресурсов, эта политика к тому времени уже была испробована в развивающихся странах Азии. Китайские реформаторы, провозгласив социалистический характер модернизации, в то же время открыто признали необходимость на этой ступени реформ «сосредоточить силы на проблемах по главным направлениям». На практике это означало,

что принцип равенства образовательных шансов соблюдается пока лишь на ступени обязательного образования. Ступень старшей средней школы, как и всё профессиональное образование, платная, однако тщательно разрабатывается система студенческих займов. При этом государство усиленно финансово подпитывает элитарные пилотные «ключевые» школы и вузы (при неизбежном побочном эффекте усиливающейся дифференциации образовательных шансов населения).

Распространение экономических реформ на социальную сферу, в том числе на науку и образование, началось с принятия в 1985 г. программы действий в русле разрабатываемой стратегии образования для постиндустриального общества — Постановления ЦК КПК и Госсовета КНР «О реформе системы образования». Пришедший на этот этап XIII съезд КПК (1987) оценил развитие образования как «основу всех дел, рассчитанных на долгие годы».

Китайский старт несколько опередил начало модернизации образования в СССР, да и основные направления его были иные. Реформирование, предложенное Постановлением 1985 года, касалось прежде всего сфер управления и финансирования (в сторону децентрализации), которые должны были способствовать стабильной универсализации базового образования. Появившийся годом позже «Закон об обязательном образовании» впервые зафиксировал в правовом поле разделение ответственности между центральными и местными органами власти при значительном увеличении прав и ответственности последних в создании и управлении учебными заведениями (включая и финансирование).

Новые вызовы научно-технической революции и глобализации экономики вынудили китайское правительство поднять планку базового образования до уровня 9-летней неполной средней школы и гарантировать его распространение принципом обязательности и бесплатности с помощью «Закона об обязательном образовании». Последнее должно было стать всеобщим и реализоваться в сжатые, но чётко прорабо-

танные поэтапные сроки, да ещё и параллельно с ликвидацией неграмотности (к 1995 г. на территории проживания 75% населения, а завершение процесса — в первые десятилетия XXI в.).

Несмотря на все трудности и огрехи, в целом эти задачи были выполнены. В немалой степени этому способствовало то, что Закон утвердил приоритетную роль образования в модернизации, гарантируя, что «коэффициент роста государственных ассигнований на обязательное образование должен превышать коэффициент прироста обычных финансовых доходов». Осуществление этого принципа встретило немало трудностей на своём пути и подошло к своей реализации лишь на рубеже столетий.

Реформировать систему образования предлагалось во взаимодействии с изменением системы занятости. Был выдвинут принцип «профессиональной подготовки до занятия рабочего места», которая связывалась с практикующейся в Китае с 1982 г. системой контрактного найма. Таким виделся китайским теоретикам путь к решению острейшего противоречия между избыточностью рабочей силы и её низким качеством.

В области высшей школы планировалось временно сдерживать темпы распространения регулярных вузов (выявляя их внутренние ресурсы), зато приступить к созданию многоуровневой полнокомплектной системы, которая бы обеспечила подготовку специалистов высшего класса всех уровней и профилей внутри страны. В этом состояло отличие китайской стратегии от многих стран, которые в фазе «запаздывающей модернизации» ориентировались на подготовку высококвалифицированных кадров прежде всего за рубежом. Менялась и действовавшая на протяжении десятилетий система набора в вузы строго в соответствии с государственным заказом. Теперь вузы получили право набирать часть студентов на контрактной основе по договорам с предприятиями (которые оплачивали обучение этих студентов), а также часть студентов, обучающихся за свой счёт. Соответственно менялся и порядок распределения студентов, включая и принятых по

государственному плану: по собственному желанию и с одобрения вуза они получали право искать работу по контракту.

В качестве важной стратегической задачи модернизации КНР в соответствии с глобальными тенденциями назвала формирование системы непрерывного образования.

Постановление 1985 г. продемонстрировало победу реформаторского крыла руководства КНР, которое, придерживаясь теории человеческого капитала, основной целью реформы провозгласило «повышение качественных характеристик нации» (очевидное влияние переведённой в Китае книги А. Печчеи «Человеческие качества»). Вдохновлённые переменами, многие деятели образования КНР во второй половине 1980-х гг. пришли к осознанию того, что стратегия образовательных реформ не должна диктоваться исключительно «вызовом со стороны новой технической революции», необходимо обогатить её гуманитарным аспектом — формировать такую систему образования, которая «удовлетворяла бы потребности общества и личности в свободном и всестороннем развитии». К сожалению, политический кризис, выразившийся в социальном взрыве июня 1989 г., на несколько лет пресёк гуманистические тенденции в культуре и образовании.

В свете успехов, достигнутых в предшествующее десятилетие и выразившихся в подъёме производства и достижениях индустриализации, «архитектор реформ» Дэн Сяопин весной 1992 г. потребовал придать накопленному потенциалу реформы *прорывной* характер и ускорить её осуществление в режиме большей открытости. В тот период процесс интернационализации охватил системы образования многих развивающихся государств Юго-Восточной Азии: в Китае вузы впервые получили право устанавливать собственные международные связи, резко увеличилась численность китайских студентов и аспирантов за рубежом.

Первой стратегической программой модернизации системы образования КНР стала «Программа реформы и развития образования» (1993 г.). В ней была выдвинута

Образовательный уровень населения в Китае повышался благодаря широкому развитию профессионально-технического обучения, связанного со структурой местного производства, особенно на ступени средней школы, где временно было заморожено распространение общего среднего образования. Китай предпринял меры, чтобы обеспечить опережающие темпы роста среднего профессионально-технического обучения по отношению к общему среднему образованию (ежегодный прирост учащихся в 1995 г. составил в этих подсистемах соответственно 6,3% и 3,6%).

Этап китайских реформ, связанный с созданием модели социалистической рыночной экономики (в 80-е гг. она ещё называлась «товарной»), — по времени совпал с очередной стадией реформирования образования в России — 1992–1997 гг. В обеих странах это было время активного законоотворчества в образовательной сфере — в КНР один за другим были приняты «Закон об учителях» (1993), «Закон об образовании» (1995); «Закон о профессиональном образовании» (1996) и в 1998 г. — «Закон о высшем образовании». Так, в КНР впервые под систему образования была заложена правовая основа — законы существенно дополнили партийно-правительственные постановления.

теория построения «социализма с китайской спецификой», сформулированы *особенности социалистической системы образования* в КНР с учётом её национально-го характера: стратегическая позиция приоритетного развития; партийное руководство и социалистическая ориентация; сочетание с производительным трудом; принцип открытости; ориентация на повышение качества и эффективности; децентрализация управления и финансирования; сочетание единства с многообразием (Жэньминь жибао. 1993. 19 февраля).

В Программе нашла отражение основная тенденция глобализации образовательных систем, а именно превращение их из чисто государственных в государственно-общественные — право учреждать учебные заведения получили ведомства, общественные организации и (добавление к Постановлению 1985 г.) частные лица. Принятый весной 1995 г. «Закон об образовании» обозначил роль государства как основного гаранта предоставления образовательных услуг. В качестве национальной политики в отношении негосударственного сектора в образовании были названы «активное стимулирование и всемерная поддержка», однако без каких-либо финансовых обязательств со стороны государства. В то же время государство явно не желало пускать этот сектор на самотёк, провозгласив Негосударственные Образовательные Учреждения составной частью национальной системы образования и обязав их следовать общим нормативным актам, придерживаться социалистической ориентации и «осуществлять курс государства в области образования». Закон закрепил принципы отделения образования от религии, конфессиональные учебные заведения не вошли в систему НОУ. Это принципиально важное положение, отличающее ситуацию в Китае от Запада, где большинство частных учебных заведений создаются религиозными конфессиями или отдельными группами граждан ради пропаганды доктрин, альтернативной государственной.

Осторожные шаги были сделаны в направлении демократизации внутривузовского и внутришкольного управления. Про-

грамма разъяснила особенности новых взаимоотношений государства и образовательных институтов, которые сопровождаются ограничением роли государства до макрорегулирующих функций, повышением автономии образовательных учреждений и превращением их в самостоятельные юридические лица. Были намечены меры по разделению политической и административной ответственности в учебных заведениях, речь шла о закреплении и развитии системы ответственности директоров и ректоров, независимой от руководства ранее всевластных парткомов. Вступала в действие система контрактного найма преподавателей учебных заведений и вводилась новая разветвлённая шкала надбавок к их окладам, учитывающая уровень квалификации, стаж и т.д. (они составляли до 50% зарплаты в целом).

В области высшего образования был обозначен переход от элитарности к массовости (с 3,5% охвата молодёжи соответствующей возрастной категории — до 8% к 2000 г., однако реальные достижения оказались выше — 11%, а к 2010 г. планируется 15%), хотя и со значительным опозданием по сравнению с Японией и азиатскими «драконами». При всех достижениях реформ образование в объёме высшей школы в Китае сегодня имеют лишь 2,9% населения, на 10 тыс. населения приходится 32,9 студента (в России — 280).

Одновременно вступал в силу Проект «211», согласно которому государство брало на себя финансовые обязательства по выведению на мировой уровень сотни ведущих вузов страны, готовящих специалистов по основным специальностям и отраслям науки для осуществления технологического прорыва. Одним из важных моментов этого процесса стало превращение вузов из чисто учебных в крупные научные центры, имеющие тесные связи с передовыми предприятиями и собственными технопарками. В 2000 г. 241 вуз КНР (десятая часть всех государственных и негосударственных вузов) имел договора о сотрудничестве с более чем 5000 фирм, предприятий и научных институтов.

Эффективность выдвинулась в фокус всех образовательных реформ, причём ре-

шающую роль в разработке Китаем современных критериев эффективности сыграли международные организации. Государство, стабильно увеличивая государственные ассигнования, одновременно всё активнее вводило многоканальное финансирование образования, привлекая к этому процессу всё население и посредством специального дополнительного налога на образование, и с помощью псевдодобровольных сборов на ремонт и строительство учебных заведений на селе (от того и другого с прошлого года пришлось отказаться), и крупных инвестиций частных лиц, общественных организаций и зарубежных соотечественников.

Стремление противостоять вторжению моральных установок западного общества заставляло правительство КНР, с одной стороны, способствовать консервации конфуцианских моральных и социальных ценностей в воспитательном процессе, а с другой — противостоять таким сопровождавшим глобализацию понятиям, как многопартийность, либерализация и индивидуализация личности. Программа отдалённо обозначила переход к новой парадигме образования — от «обучения, ориентированного на подготовку к экзаменам», т.е. рассчитанного на передачу информации, к обучению, нацеленному на «воспитание качественных характеристик», включавших идейно-нравственный и общекультурный облик человека. Ведущие учёные Китая оценили программу «воспитания качественных характеристик» как «закладающую основы для развития экономики знаний», ибо она подразумевала «переход от модели стандартизации — к модели индивидуализации и воспитания на основе выбора». В такой обстановке вновь активизировались общегуманистические поиски китайских педагогов.

Начало нынешнего рывка в постиндустриальное общество обозначил проходивший в 1997 г. XV съезд КПК, а надежду на его успешное совершение реформаторам давали «невиданные доселе благоприятные условия» — успехи двух предшествующих десятилетий. В числе факторов, содействующих более энергичному развитию образования,

официально называлась готовность населения использовать часть накопленных средств на обучение и активность в учреждении школ, а также скрытые резервы финансирования системы образования (внебюджетные потоки). На партийном съезде в продолжение традиции реформаторов начала века был выдвинут стратегический курс «наука и образование приведут страну к процветанию» (Жэньминь жибао. 1997. 22 сентября). Это означало, что был услышан голос ведущих теоретиков, которые начали бить тревогу по поводу надвигающейся эпохи экономики знаний; отсюда и вывод о необходимости «обновлять сознание, расширять взгляд на реформу образования» (из выступления министра образования Чэнь Чжили. Гуанмин жибао. 1998. 26 марта).

Решение ЦК КПК и Госсовета КНР «Об углублении реформы образования и комплексном продвижении вперёд воспитания качественных характеристик» (июнь 1999 г.) обозначило схему прорыва китайской системы образования в информационную эпоху в XXI веке. В отличие от предыдущих этапов, когда акцент делался на подготовке кадров низшего и среднего звена, в этом документе была поставлена задача: в кратчайшие сроки восполнить нехватку высококвалифицированных творческих кадров, соответствующих передовому мировому уровню, причём не только в научно-техническом, но и в морально-этическом аспектах.

Массовизация высшего образования подкреплялась энергичным распространением старших средних школ (в восстанавливающейся после «культурной революции» 12-летке это X–XII классы). При этом ставилась задача к 2010 г. осуществить полное среднее образование в городах и экономически развитых регионах и достичь средней продолжительности обучения, сопоставимой с передовым уровнем развивающихся стран.

Параллельно с программой подготовки кадров высшей квалификации внутри страны государство продолжало активно содействовать учёбе и научной стажировке своих граждан за границей при одновремен-

Стоит обратить внимание на то, что подготовка собственных специалистов сопровождается в Китае активным привлечением к сотрудничеству зарубежных учёных. Их приглашают не только читать лекции, но и возглавить научные направления в вузах и научных институтах. В вузах КНР создаются специальные профессорские вакансии по ключевым дисциплинам, занять которые по открытому конкурсу имеют право молодые и зрелого возраста специалисты как китайские, так и зарубежные (финансовая поддержка реализуется через целевые фонды).

ном «поощрении их к возвращению на родину». Возвращение подстёгивается системой экономических гарантий поручителей для лиц, выезжающих на учёбу за государственный счёт, а также предоставлением им солидных льгот после возвращения из зарубежных стажировок — для них открываются прекрасно оснащённые научные центры, где они могут применить свои знания, правительство гарантирует им руководящие должности в ведущих вузах и НИИ и более высокую, чем у прочих специалистов их уровня, зарплату, которая обеспечивается специальным фондом Министерства просвещения КНР. Предполагается также увеличить стипендиальный фонд для подготовки докторов наук, а для поощрения лучших из них ежегодно отбирать 100 диссертаций, авторам которых, в случае если они останутся работать в вузе, предоставляется 5-летняя финансовая поддержка.

Инновация, инновация и ещё раз инновация

В XXI веке термин «инновации» стал культовым в сознании китайских реформаторов, инновационным должно стать всё — не только техника и знание, но и мышление. На фоне требования обновлять, распространять и применять знания на новом витке модернизации всё более проявляются несоответствия между педагогическими идеями, системой и структурой образования, его содержанием и методами, с одной стороны, и темпами социалистической модернизации — с другой. Генеральный секретарь КПК Цзян Цзэминь не устаёт повторять, что «инновации — это душа национального прогресса, неиссякаемый стимул расцвета государства». В стране создаётся государственная система обновления знаний, важную роль в которой призваны сыграть университеты и их технопарки. (О реформе содержания образования в Китае наш журнал уже писал — см.: *Сяо Су*. Реформа базового образования в Китае // *НО*. 2002. № 7. С. 53. — *Ред.*).

Движение Китая к эпохе «экономики знаний» привело к тому, что в образование

активно внедряются информационные технологии. По мнению ведущих китайских специалистов, в соединении высоких технологий с реформой образования Китай «далеко отстаёт от мировых форпостов», однако программа последних лет по ликвидации этого отставания впечатляет: согласно официальной статистике, на протяжении 1990-х гг. количество компьютеров в школах выросло более чем в 10 раз, хотя в среднем в каждой их не более десятка (что фактически означает — ни одного в основной массе сельских школ и по 20–30 в престижных городских). В государственных документах КНР по образованию от 1999 г. спланировано создание в течение последующих трёх лет современной системы дистанционного обучения (на основе учебно-научной информационной сети CERNET и спутниковой видеотрансляционной системы), с тем чтобы облегчить этот процесс в огромной стране с ограниченными финансовыми ресурсами. Информатизация обучения проводится в КНР на трёх уровнях: 1) распространение в школах мультимедийной компьютерной техники; 2) внедрение информационных сетей; 3) обеспечение учебных заведений сетевыми источниками. Доступ к CERNET пока имеют около 700 научных и учебных центров, а число пользователей в 70 городах страны достигло 3 млн человек. Сеть связала все вузы страны и около 1000 показательных средних школ, обеспечила доступ к ней на дому 50 тыс. вузовских работников.

Немалую роль в процессе инноваций и доступа Китая к новым информационным источникам и технологиям играет тесное сотрудничество с международными организациями, в том числе Всемирным Банком (с 1986 г. и вплоть до 2000 г. на полученные займы на сумму 946,2 млн долл. в образовательном секторе страны осуществлены 9 крупных проектов, касавшихся в основном стимулирования китайских университетов, а также развития образования в бедных регионах). Вступление Китая в ВТО в конце 2001 г. ставит перед системой образования страны новые проблемы, одна из которых — глобализация рынка образовательных услуг, которые, согласно «Общему соглаше-

нию о торговле и услугах» (ГАТТ) включают дистанционное обучение, стимулирование учёбы за рубежом, поощрение создания учебных заведений на территории иных государств, а также активизацию обмена учёными и специалистами. Китайские деятели образования серьёзно исследуют все плюсы и минусы членства в ВТО. С одной стороны, оно подстегнёт формирование рынка образовательных услуг внутри страны, а с другой — резко усилятся импортные потоки образовательных услуг из развитых стран Запада. Китайские педагоги пытаются просчитать последствия этого шага. Это создаст преимущество конкуренции на образовательном рынке страны, однако не избежать воздействия на общую концепцию образования, на его автономию, направление деятельности собственных учебных заведений и, конечно, национальную культурную традицию. Более чёткой проработки требует проблема коммерциализации образовательных услуг (сегодня извлечение прибыли из образовательной деятельности официально запрещено в КНР в качестве цели функционирования как государственных, так и негосударственных учебных заведений, возможно, придётся на правовой основе разделить последние на коммерческие и некоммерческие). Перед вызовом окажутся и пограничные с образованием отрасли: высококонкурентный «импортный товар» неизбежно нанесёт удар по отраслям, производящим учебное оборудование, пособия, диски и прочее.

Что в остатке?

Значит ли всё изложенное, что китайские реформаторы сумели провести школу переходного периода по тщательно уложенному ровными плитами мосту, на котором она ни разу не споткнулась? Конечно, нет! Реформу в КНР не минули столь хорошо известные и российским реформаторам беды любого новаторского начинания: и структурные искажения внутри системы образования, и перекосы децентрализации (не только России пришлось сделать шаг назад от муниципаль-

ного финансирования — китайские волости тоже не справились с возложенным на них финансовым бременем), и финансовые трудности (невыплата зарплаты учителям, фактическое неприменение налоговых льгот к образовательной сфере и негативное воздействие коммерциализации сферы образования) и многое другое.

Но вот чего Китаю удалось избежать в практике последних двух десятилетий, так это недооценки роли образования, падения объёма вложений в эту сферу, поспешности и несогласованности шагов реформы. Успехи оказались результатом крайне прагматичного подхода к решению проблем, в частности, соотношения равенства и эффективности: руководство страны, осуществляющей «социалистическую модернизацию», оценив мировой опыт, сознательно пошло на принятие в переходный период некоторых рискованных факторов развития образования, идущих вразрез с принципами социального равенства. Под руководством страны имеется в виду, конечно же, и Коммунистическая партия Китая.

В чём же ещё состоит национальная специфика? Мне представляется, в том, что им удалось убедить население страны, что образование — дело общегосударственное и общенародное. Государство в период реформ сохранило свою роль основного поставщика образовательных услуг, не выпустило из рук рычагов макроуправления, сумело ежегодно стабильно повышать бюджетные ассигнования в эту сферу. В то же время ему удалось активно привлечь к этому процессу всё население страны, соотечественников за рубежом и международных инвесторов.

Последовательность, поэтапность и согласованность образовательной стратегии, воплощение глобальных тенденций с учётом конкретной ситуации в стране, использование лучших национальных традиций (к которым относится и повышенное внимание к воспитательной функции учебного процесса), и всё это на фоне повышения благосостояния народа — вот, пожалуй, главный рецепт китайской «образовательной кухни» периода реформ. ■